1

Воспитанник акробата Беккера назывался «гуттаперчевым мальчиком» только в афишках; настоящее имя его было Петя; всего вернее, впрочем, было бы назвать его несчастным мальчиком.

История его очень коротка, да и где ж ей быть длинной и сложной, когда ему минул всего восьмой год!

Лишившись матери на пятом году, он хорошо, однако ж, её помнил. Как теперь видел он перед собою тощую женщину со светлыми, жиденькими и всегда растрёпанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему рот всем, что подвёртывалось под руку: луком, куском пирога, селёдкой, хлебом, — то вдруг ни с того ни с сего накидывалась, начинала кричать и в то же время принималась шлёпать его чем ни попало и куда ни попало. Петя тем не менее часто вспоминал мать.

В числе воспоминаний Пети остался также день похорон матери...

Было суровое январское утро; с низкого пасмурного неба сыпался мелкий сухой снег; подгоняемый порывами ветра, он колол лицо, как иголками, и волнами убегал по мёрзлой дороге. Петя, следуя за гробом между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовал, как нестерпимо щемят пальцы на руках и ногах; ему, между

прочим, и без того было трудно поспевать за спутниками. Одежда на нём случайно была подобрана: случайны были сапоги, в которых ноги его болтались свободно, как в лодках; случайным был кафтанишко, которого нельзя было бы надеть, если б не подняли ему фалды [1] и не приткнули их за пояс; случайной была шапка, выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мешала Пете видеть дорогу.

На обратном пути с кладбища бабушка и Варвара долго толковали о том, куда теперь деть мальчика. К кому надо обратиться? Кто, наконец, станет бегать и хлопотать?

Мальчик продолжал жить, треплясь по разным углам и старухам. И неизвестно, чем бы разрешилась судьба мальчика, если б не вступилась прачка Варвара.

Жила она на Моховой улице в подвальном этаже, на втором дворе большого дома. На том же дворе, только выше, помещалось несколько человек из труппы соседнего цирка; они занимали ряд комнат, соединявшихся тёмным боковым коридором. Варвара знала всех очень хорошо, так как постоянно стирала у них бельё. Подымаясь к ним, она часто таскала с собою Петю. Всем была известна его история; все знали, что он круглый сирота, без роду и племени. В разговорах Варвара не раз выражала мысль, что вот бы хорошо было, кабы кто-нибудь из господ сжалился и взял сироту в обученье. Никто, однако, не решался; всем, по-видимому, довольно было своих забот. Одно только лицо не говорило ни да, ни нет. По временам лицо это пристально посматривало на мальчика. Это был акробат Беккер.

Надо полагать, между ним и Варварой велись одновременно какие-нибудь тайные и более ясные переговоры по этому предмету, потому что однажды, под-

---

[1] Фа́лды — задние полы кафтана.

караулив, когда все господа ушли на репетицию и в квартире остался только Беккер, Варвара спешно повела Петю наверх и прямо вошла с ним в комнату акробата.

Беккер точно поджидал кого-то. Он сидел на стуле, покуривая из фарфоровой трубки с выгнутым чубуком, увешанным кисточками; на голове его красовалась плоская, шитая бисером шапочка, сдвинутая набок; на столе перед ним стояли три бутылки пива — две пустые, одна только что начатая.

Раздутое лицо акробата и его шея, толстая как у быка, были красны; самоуверенный вид и осанка не

оставляли сомнения, что Беккер даже здесь, у себя дома, был весь исполнен сознанием своей красоты.

— Ну вот, Карл Богданович... вот мальчик!.. — проговорила Варвара, выдвигая вперёд Петю.

— Хорошо, — произнёс акробат, — но я так не можно; надо раздевать малшик...

Петя до сих пор стоял неподвижно, робко поглядывая на Беккера; с последним словом он откинулся назад и крепко ухватился за юбку прачки. Но когда Беккер повторил своё требование и Варвара, повернув мальчика к себе лицом, принялась раздевать его, Петя судорожно ухватился за неё руками, начал кричать и биться, как цыплёнок под ножом повара.

— Чего ты? Экой, право, глупенький! Чего испугался?.. Разденься, батюшка, разденься... ничего... смотри ты, глупый какой!.. — повторяла прачка, стараясь раскрыть пальцы мальчика и в то же время спешно расстёгивая пуговицы на его панталонах.

Но мальчик решительно не давался: объятый почему-то страхом, он вертелся как вьюн, корчился, тянулся к полу,

MISS ARABE

наполняя всю квартиру криками. Карл Богданович потерял терпение. Положив на стол трубку, он подошёл к мальчику и, не обращая внимания на то, что тот стал ещё сильнее барахтаться, быстро обхватил его руками. Петя не успел очнуться, как уже почувствовал себя крепко сжатым между толстыми коленами акробата. Последний в один миг снял с него рубашку и панталоны; после этого он поднял его, как соломинку, и, уложив голову поперёк колен, принялся ощупывать ему грудь и бока, нажимая большим пальцем на те места, которые казались ему не сразу удовлетворительными, и посылая шлепок всякий раз, как мальчик корчился, мешая ему продолжать операцию.

Прачке было жаль Петю: Карл Богданович очень уж что-то сильно нажимал и тискал; но, с другой стороны, она боялась вступиться, так как сама привела мальчика и акробат обещал взять его на воспитание в случае, когда он окажется пригодным. Стоя перед мальчиком, она торопливо утирала ему слёзы, уговаривая не бояться, убеждая, что Карл Богданович ничего худого не сделает — только посмотрит!..

Но когда акробат неожиданно поставил мальчика на колени, повернул его к себе спиною и начал выгибать ему назад плечи, снова надавливая пальцами между лопатками, когда голая худенькая грудь ребёнка вдруг выпучилась ребром вперёд, голова его опрокинулась назад и весь он как бы замер от боли и ужаса, — Варвара не могла уже выдержать; она бросилась отнимать его. Прежде, однако ж, чем успела она это сделать, Беккер передал ей Петю, который тотчас же очнулся и только продолжал дрожать, захлёбываясь от слёз.

— Полно, батюшка, полно! Видишь, ничего с тобою не сделали!.. Карл Богданович хотел только поглядеть тебя... — повторяла прачка, стараясь всячески обласкать ребёнка.

Она взглянула украдкой на Беккера: тот кивнул головою и налил новый стакан пива.

Два дня спустя прачке надо было уже пустить в дело хитрость, когда пришлось окончательно передавать мальчика Беккеру. Тут не подействовали ни новые ситцевые рубашки, купленные Варварой на собственные деньги, ни мятные пряники, ни убеждения, ни ласки. Петя боялся кричать, так как передача происходила в комнате Беккера; он крепко припадал заплаканным лицом к подолу прачки и отчаянно, как потерянный, цеплялся за её руки каждый раз, когда она делала шаг к дверям, с тем чтобы оставить его одного с Карлом Богдановичем.

Наконец всё это надоело акробату. Он ухватил мальчика за ворот, оторвал его от юбки Варвары и, как только дверь за нею захлопнулась, поставил его перед собою и велел ему смотреть себе прямо в глаза.

Петя продолжал трястись, как в лихорадке; черты его худенького, болезненного лица как-то съёживались; в них проступало что-то жалобное, хилое, как у старичка.

Беккер взял его за подбородок, повернул к себе лицом и повторил приказание.

— Ну, малшик, слуш, — сказал он, грозя указательным пальцем перед носом Пети,— когда ты хочу там,— он указал на дверь, — то будет тут! .. — Он указал несколько ниже спины. — И сильно! И сильно! — добавил он, выпуская его из рук и допивая оставшееся пиво.

В то же утро он повёл его в цирк. Там всё суетилось и торопливо укладывалось.

На другой день труппа со всем своим багажом, людьми и лошадьми перекочёвывала на летний сезон в Ригу.

В первую минуту новость и разнообразие впечатлений скорее пугали Петю, чем пробуждали в нём любопытство. Он забился в угол и, как дикий зверёк, глядел оттуда, как мимо него бегали, перетаскивая неведомые

ему предметы. Кое-кому бросилась в глаза белокурая головка незнакомого мальчика; но до того ли было! И все проходили мимо.

В течение десяти дней, как труппа переезжала в Ригу, Петя был предоставлен самому себе. В вагоне его окружали теперь не совсем уже чужие люди; ко многим из них он успел присмотреться; многие были веселы, шутили, пели песни и не внушали ему страха. Нашлись даже такие, как клоун Эдвардс, который мимоходом всегда трепал его по щеке; раз даже одна из женщин дала ему ломтик апельсина. Словом, он начал понемногу привыкать, и было бы ему даже хорошо, если б взял его к себе кто-нибудь другой, только не Карл Богданович. К нему никак он не мог привыкнуть; при нём Петя мгновенно умолкал, весь как-то

съёживался и думал о том только, как бы не заплакать...

Особенно тяжело стало ему, когда началось ученье. После первых опытов Беккер убедился, что не ошибся в мальчике; Петя был лёгок, как пух, и гибок в суставах; недоставало, конечно, силы в мускулах, чтобы управлять этими природными качествами, но беды в этом ещё не было. Беккер не сомневался, что сила приобретётся от упражнений. Он мог отчасти даже теперь убедиться в этом на питомце. Месяц спустя после того, как он каждое утро и вечер, посадив мальчика на пол, заставлял его пригибаться головою к ногам, Петя мог исполнять такой манёвр уже сам по себе, без помощи наставника. Несравненно труднее было ему перегибаться назад и касаться пятками затылка; мало-помалу

он, однако ж, и к этому стал привыкать. Он ловко также начинал прыгать с разбегу через стул; но только, когда после прыжка Беккер требовал, чтобы воспитанник, перескочив на другую сторону стула, падал не на ноги, а на руки, оставляя ноги в воздухе, — последнее редко удавалось; Петя летел кувырком, падал на лицо или на голову, рискуя свихнуть себе шею. Неудача или ушиб составляли, впрочем, половину горя; другая половина, более веская, заключалась в тузах [1], которыми всякий раз наделял его Беккер. Мускулы мальчика оставались по-прежнему тощими. Они, очевидно, требовали усиленного подкрепления.

В комнату, занимаемую Беккером, принесена была двойная раздвижная лестница; поперёк её перекладин, на некоторой высоте от полу, укладывалась горизонтально палка. По команде Беккера Петя должен был с разбегу ухватиться руками за палку и затем оставаться таким образом на весу, сначала пять минут, потом десять, — и так каждый день по нескольку приёмов. Разнообразие состояло в том, что иногда приходилось просто держать себя на весу, а иногда, придерживаясь руками к палке, следовало опрокидываться назад всем туловищем и пропускать ноги между палкой и головою. Цель упражнения состояла в том, чтобы прицепиться концами носков к палке, неожиданно выпустить руки и оставаться висящим на одних носках. Трудность главным образом заключалась в том, чтобы в то время, как ноги были наверху, а голова внизу, лицо должно было сохранять самое приятное, смеющееся выражение; последнее делалось в видах хорошего впечатления на публику, которая ни под каким видом не должна была подозревать трудности при напряжении мускулов, боли в суставах плеч и судорожного сжимания в груди.

---

[1] Тузы — тумаки.

Достижение таких результатов сопровождалось часто таким раздирающим детским визгом, такими криками, что товарищи Беккера врывались в его комнату и отнимали из рук его мальчика. Начиналась брань и ссора, — после чего Пете приходилось иногда ещё хуже. Иногда, впрочем, такое постороннее вмешательство оканчивалось более миролюбивым образом. Так было, когда приходил клоун Эдвардс. Он обыкновенно улаживал дело закуской и пивом. В следовавшей затем товарищеской беседе Эдвардс старался всякий раз доказать, что метод обучения Беккера никуда не годится, что страхом и побоями ничего не возьмёшь не только с детьми, но даже при обучении собак и обезьян; что страх внушает, несомненно, робость, а робость — первый враг гимнаста, потому что отнимает у него уверенность и удаль; без них можно только вытянуть себе сухие жилы, сломать шею или перебить позвонки на спине.

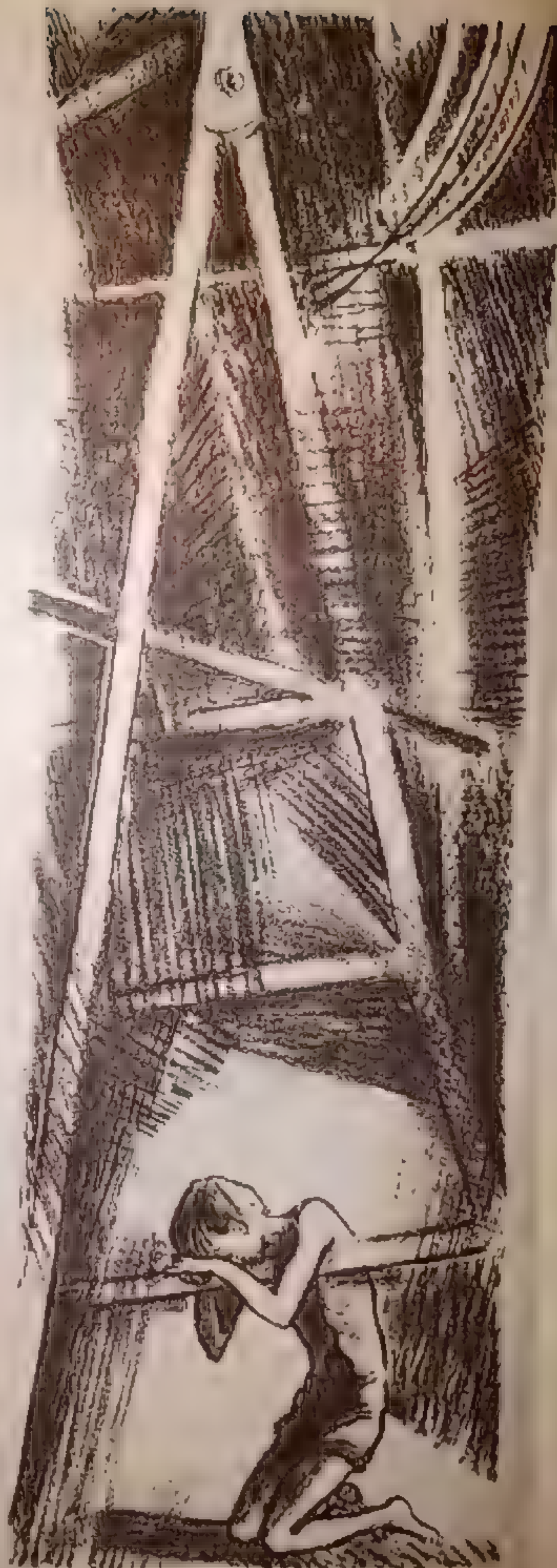
И странное дело: каждый раз, как Эдвардс, разгорячённый беседой и пивом, принимался тут же показывать, как надо делать ту или другую штуку, Петя исполнял упражнение с бóльшей ловкостью и охотой.

В труппе все уже знали воспитанника Беккера. В последнее время он добыл ему из гардероба костюм клоуна и, набеливая ему лицо, нашлёпывая румянами две кляксы на щеках, выводил его во время представления на арену. Иногда, для пробы, Беккер неожиданно поднимал ему ноги, заставляя его на руках пробежать по песку. Петя напрягал тогда все свои силы; но часто они изменяли ему; пробежав на руках некоторое пространство, он вдруг ослабевал в плечах и тыкался головою в песок, чем пробуждал всегда весёлый смех в зрителях.

Под руководством Эдвардса он сделал бы, без сомнения, больше успехов; в руках Беккера дальнейшее развитие очевидно замедлялось. Петя продолжал бояться своего наставника, как в первый день. К этому

начинало примешиваться другое чувство, которого не мог он истолковать, но которое постепенно росло в нём, стесняло его мысли и чувства, заставляя горько плакать по ночам, когда, лёжа на тюфячке, прислушивался он к храпенью акробата.

И ничего, ничего Беккер не делал, чтобы сколько-нибудь привязать к себе мальчика. Даже в тех случаях, когда мальчику удавалась какая-нибудь штука, Беккер никогда не обращался к нему с ласковым словом; он ограничивался тем, что снисходительно поглядывал на него с высоты своего громадного туловища. Беккеру, по-видимому, всё равно было, что из двух рубашек, подаренных мальчику прачкой Варварой, оставались лохмотья, что бельё на теле мальчика носилось иногда без перемены по две недели, что шея его и уши были не вымыты, а сапожишки просили каши и черпали уличную грязь и воду. Товарищи акробата, и более других Эдвардс, часто

Г-н БЕККЕРЪ

укоряли его в том, в ответ Беккер нетерпеливо посви-стывал и щёлкал хлыстиком по панталонам

Он не переставал учить Петю, продолжая наказывать каждый раз, как выходило что-нибудь неладно.

Раз, по возвращении труппы уже в Петербург, Эдвардс подарил Пете щенка. Мальчик был в восторге; он носился с подарком по конюшне и коридорам, всем его показывал и то и дело учащённо целовал его в мокрую розовую мордочку.

Беккер, раздосадованный во время представления тем, что его публика не вызвала, возвращался во внутренний коридор; увидев щенка в руках Пети, он вырвал его и носком башмака бросил в сторону; щенок ударился головкой в соседнюю стену и тут же упал, вытянув лапки

Петя зарыдал и бросился к Эдвардсу, выходившему в эту минуту из уборной. Беккер, раздражённый окончательно тем, что вокруг послышалась брань, одним движением оттолкнул Петю от Эдвардса и дал ему с размаху пощёчину...

Несмотря на лёгкость и гибкость, Петя был не столько гуттаперчевым, сколько несчастным мальчиком.

2

Детские комнаты в доме графа Листомирова располагались на южную сторону и выходили в сад. Чудное было помещение! Каждый раз, как солнце было на небе, лучи его с утра до заката проходили в окна; в нижней только части окна завешивались голубыми тафтяными занавесками для предохранения детского зрения от излишнего света. С тою же целью по всем комнатам разостлан был ковёр также голубого цвета и стены оклеены были не слишком светлыми обоями.

В одной из комнат вся нижняя часть стен была заставлена игрушками.

Пёстрые английские раскрашенные игральные домики, кроватки с куклами, картинки, комоды, маленькие кухни, фарфоровые сервизы, овечки и собачки на катушках обозначали владения девочек; столы с оловянными солдатами, картонная тройка серых коней, с глазами страшно выпученными, увешанная бубенчиками и запряжённая в коляску, большой белый конь с казаком верхом, барабан и медная труба, звуки которой приводили всегда в отчаяние англичанку мисс Бликс, обозначали владения мальчиков. Комната эта так и называлась «игральной».

В среду, на масленице, в игральной комнате было особенно весело. Её наполняли восторженные детские

крики. Мудрёного нет; вот что было здесь, между прочим, сказано:

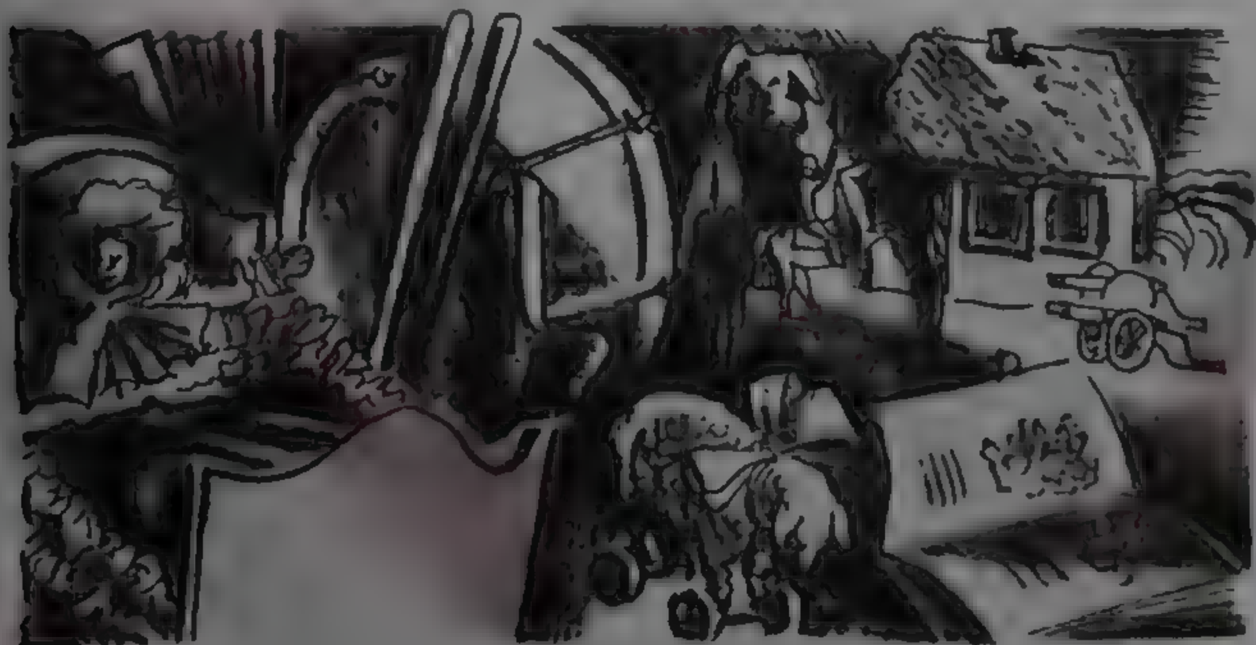
«Деточки, вы с самого начала масленицы были послушны и милы; сегодня у нас среда; если вы будете так продолжать, — вас в пятницу вечером возьмут в цирк!»

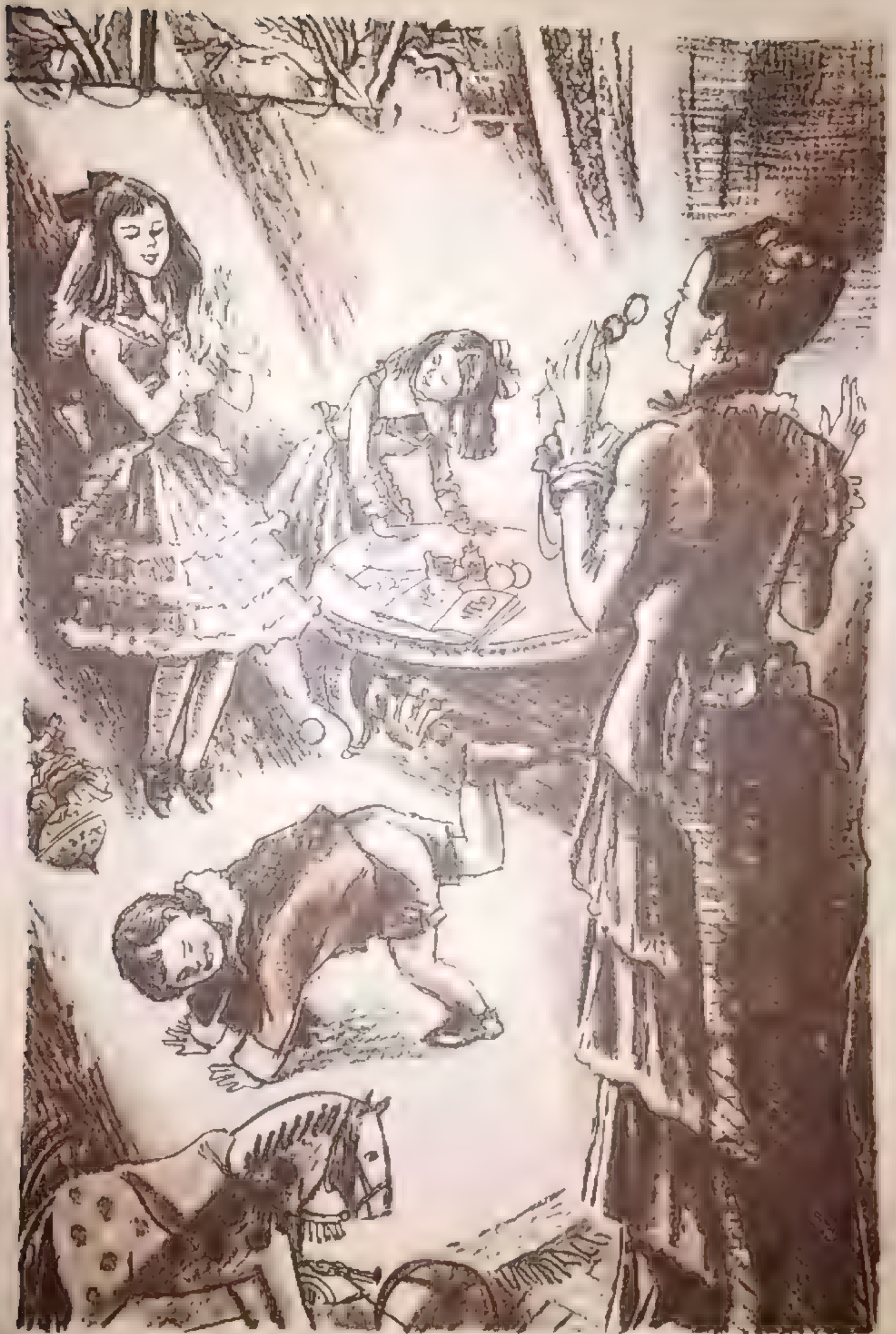
Слова эти были произнесены тётей Соней.

Не успела она проговорить своё обещание, как раздались возгласы, крики, сопровождаемые прыжками и другими более или менее выразительными изъявлениями радости. В этом порыве детской весёлости всех больше удивил Паф, пятилетний мальчик. Он был всегда таким тяжёлым, но тут, под впечатлением рассказов и того, чтó его ожидало в цирке, он вдруг бросился на четвереньки, поднял левую ногу и, страшно закручивая язык на щеку, поглядывая на присутствующих своими киргизскими глазами, принялся изображать клоуна.

— Подымите его, подымите скорее, ему кровь бросится в голову! — проговорила тётя Соня.

Новые крики, новое скаканье вокруг Пафа, который ни за что не хотел вставать и упорно подымал то одну ногу, то другую.

— Дети, дети... довольно! Вы, кажется, не хотите больше быть умными... Не хотите слушать, — говорила тётя Соня, досадовавшая главным образом на то, что не умела сердиться.

Она обожала «своих детей», как сама выражалась. Действительно, надо сказать, дети были очень милы.

Старшей девочке, Верочке, было уже восемь лет; за нею шла шестилетняя Зина; мальчику было, как сказано, пять. Его звали Павлом; но мальчик получал одно за другим различные прозвища: Беби, Пузырь, Бутуз, Булка и, наконец, Паф — имя, которое так и осталось. Мальчик был пухлый, коротенький, с рыхлым белым телом, как сметана, с шарообразною головою и круглым лицом, на котором единственною заметною чертою были маленькие киргизские глазки, раскрывавшиеся вполне, когда подавалось кушанье или говорилось о еде.

С той минуты, как обещано было представление в цирке, старшая дочь, Верочка, вся превратилась во внимание и зорко следила за поведением сестры и брата. Едва-едва начинался между ними разлад, она быстро к ним подбегала, оглядываясь в то же время на величавую мисс Бликс, принималась скоро-скоро шептать что-то Зизи и Пафу и, поочерёдно целуя то того, то другого, успевала всегда водворить между ними мир и согласие.

Наступила наконец так нетерпеливо ожидаемая пятница. На больших часах столовой пробило двенадцать. В эту самую минуту один из лакеев растворил настежь двери, и дети, сопровождаемые англичанкой и швейцаркой, вошли в столовую. Завтрак прошёл, по обыкновению, очень чинно.

Зизи и Паф, предупреждённые Верочкой, не произнесли ни слова: Верочка не спускала глаз с сестры и брата; она заботливо предупреждала каждое их движение.

С окончанием завтрака [redacted]с Бликс сочла своею обязанностью заявить графине, что никогда ещё не видела она, чтобы дети вели себя так примерно, как в эти последние дни. Графиня возразила, что она уже слышала об этом от сестры и потому распорядилась взять к вечеру ложу в цирке.

При этом известии Верочка, так долго крепившаяся, не могла больше владеть собою. Соскочив со стула, она принялась обнимать графиню с такою силой, что на секунду совершенно заслонила её лицо своими пушистыми волосами.

Верочка подошла к роялю, на котором лежали афишки; положив руку на одну из них, она обратила к матери голубые глаза свои, вся замирая от нетерпения, проговорила нежно вопрошающим голосом:

— Мама... можно?.. Можно взять эту афишку?

— Можно.

— Зизи! Паф! — восторженно крикнула Верочка, потрясая афишкой. — Пойдёмте скорее! Я расскажу вам всё, что мы сегодня увидим в цирке; всё расскажу вам!.. Пойдёмте в наши комнаты!..

— Верочка! Верочка... — слабо, с укором проговорила графиня.

Но Верочка уже не слышала: она неслась, преследуемая сестрою и братом, за которыми, пыхтя и отдуваясь, едва поспевала мисс Бликс.

В игральной комнате, освещённой ярким солнцем, стало ещё оживлённее.

На низеньком столе, освобождённом от игрушек, разложена была афиша.

Верочка настоятельно потребовала, чтобы все присутствующие: и тётя Соня, и мисс Бликс, и учительница музыки, и кормилица, вошедшая с младенцем, — все решительно уселись вокруг стола. Несравненно труднее было усадить Зизи и Пафа, которые, толкая друг друга, нетерпеливо осаждали Верочку то с одного бока, то с другого, взбирались на табуреты, ложились

на стол и влезали локтями чуть не на середину афишки. Наконец с помощью тёти и это уладилось.

Верочка откинула назад волосы, наклонилась к афишке и прочла с особенным жаром:

— «Гуттаперчевый мальчик. Воздушные упражнения на конце шеста вышиной в шесть аршин»! Нет, душечка тётя, это уж ты нам расскажешь!.. Это уж расскажешь!.. Какой же это мальчик? Он настоящий? Живой?.. Что такое: гуттаперчевый?

— Вероятно, его так называют потому, что он очень гибкий... Наконец, вы это увидите.

— Нет, нет, расскажи теперь, расскажи, как это он будет делать на воздухе и на шесте?.. Как это он будет делать?..

— Как будет он делать? — подхватила Зизи.

— Делать? — коротко осведомился Паф, открывая рот.

— Деточки, вы у меня спрашиваете слишком уж много... Я, право, ничего не могу вам объяснить. Сегодня вечером всё это будет перед вашими глазами. Верочка, ты бы продолжала. Ну, что же дальше?

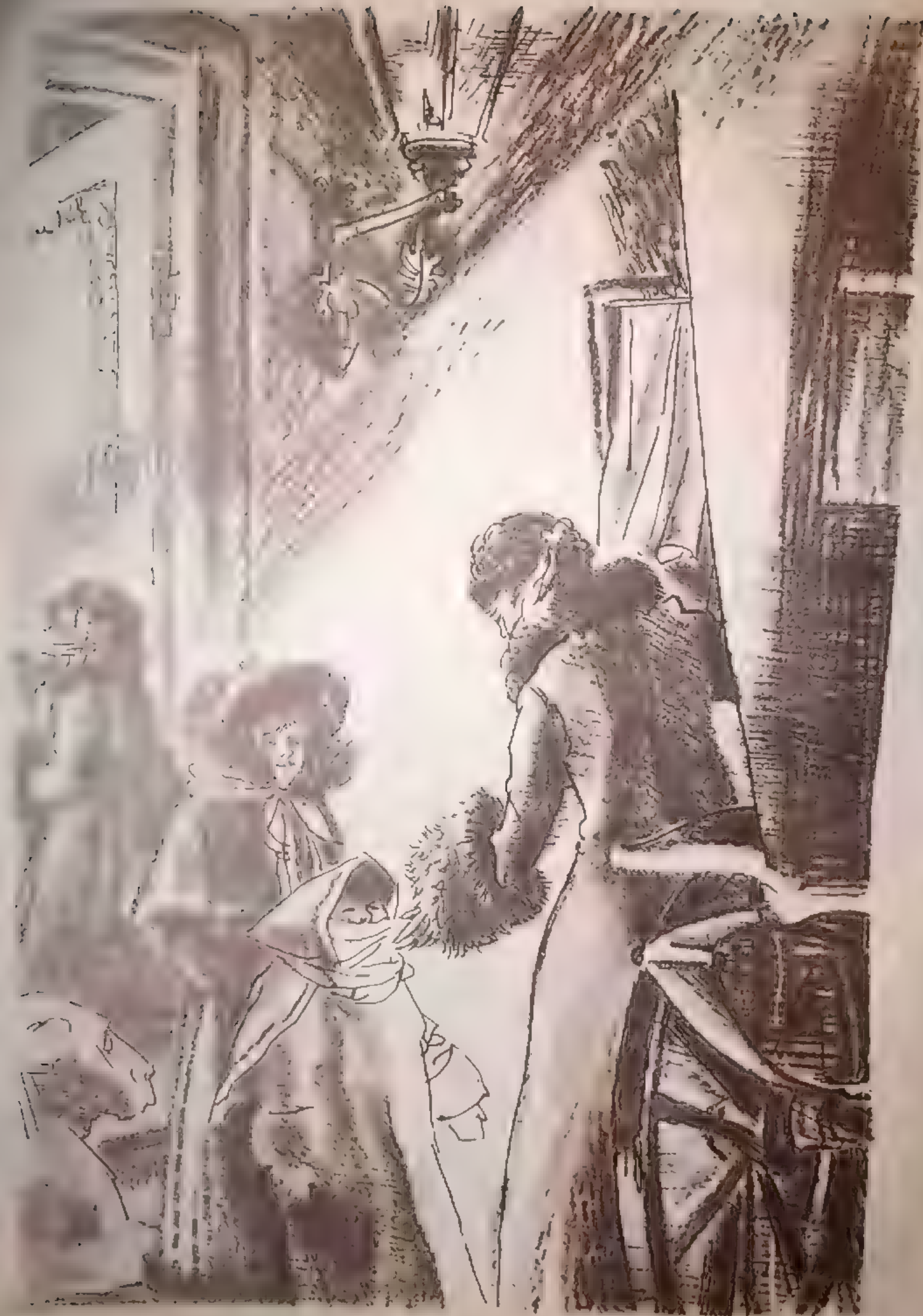
Но дальнейшее чтение не сопровождалось уже такою живостью; интерес заметно ослаб, он весь сосредоточился теперь на гуттаперчевом мальчике; гуттаперчевый мальчик сделался предметом разговоров, различных предположений и даже спора.

Зизи и Паф не хотели даже слушать продолжение того, что было дальше на афишке; они оставили свои табуреты и принялись шумно играть, представляя, как будет действовать гуттаперчевый мальчик. Паф снова становился на четвереньки, подымал, как клоун, левую ногу и, усиленно пригибая язык к щеке, посматривал на всех своими киргизскими глазками, что всякий раз вызывало восклицание у тёти Сони, боявшейся, чтоб кровь не бросилась ему в голову.

Торопливо дочитав афишку, Верочка присоединилась к сестре и брату.

Никогда ещё не было так весело в игральной комнате. Солнце, склоняясь к крышам соседних флигелей за садом, освещало группу играющих детей, освещало их радостные, весёлые, раскрасневшиеся лица, играло на разбросанных повсюду пёстрых игрушках, скользило по мягкому ковру, наполняло всю комнату мягким тёплым светом. Всё, казалось, здесь радовалось и ликовало.

Детский обед прошёл в расспросах о том, какая погода и который час. Тётя Соня напрасно употребляла все усилия, чтобы дать мыслям детей другое направление и внести сколько-нибудь спокойствия. После обеда тётя возвратилась в детскую; с сияющим лицом объявила она, что граф и графиня велели одевать детей и везти их в цирк.

Вихрем всё поднялось и завозилось в комнате, освещённой теперь лампами. Пришлось стращать, что оставят дома тех, кто не будет слушаться и не даст себя как следует закутать. Вскоре детей вывели на парадную лестницу, снова внимательно осмотрели и прикутали и наконец выпустили на подъезд, перед которым стояла четырёхместная карета, полузанесённая снегом...

Дверцы кареты захлопнулись, лакей вскочил на козлы, карета тронулась.

3

Представление в цирке ещё не начиналось. Цирк, особенно в верхних ярусах, был набит посетителями. Изящная публика, по обыкновению, запаздывала. Оркестр гремел всеми своими трубами. Круглая арена, залитая светом с боков и сверху, гладко выглаженная граблями, была ещё пуста.

Неожиданно оркестр заиграл учащённым темпом. Занавес у входа в конюшню раздвинулся и пропустил человек двадцать, одетых в красные ливреи, обшитые галуном; все они были в ботфортах[1], волосы на их головах были круто завиты и лоснились от помады.

Сверху донизу цирка прошёл одобрительный говор. Представление начиналось. Ливрейный персонал цирка не успел вытянуться, по обыкновению, в два ряда, как уже со стороны конюшен послышался пронзительный писк и хохот, и целая ватага клоунов, кувыркаясь, падая на руки и взлетая на воздух, выбежала на арену.

Впереди всех был клоун с большими бабочками на груди и на спине камзола. Зрители узнали в нём тотчас же любимца Эдвардса.

---

[1] Ботфóрты — высокие сапоги.

— Браво! Эдвардс! Браво! Браво! — раздалось со всех сторон.

Но Эдвардс на этот раз обманул ожидания. Он не сделал никакой особенной штуки; кувыркнувшись раз-другой через голову и пройдясь вокруг арены, балансируя павлиньим пером на носу, он быстро скрылся. Сколько потом ему ни хлопали и ни вызывали его, он не являлся.

На смену ему поспешно была выведена толстая белая лошадь и выбежала, грациозно приседая на все стороны, пятнадцатилетняя девица Амалия.

Девицу Амалию сменил жонглёр; за жонглёром вышел клоун с учёными собаками; после них танцевали на проволоке; выводили лошадь высшей школы; скакали на одной лошади без седла, на двух лошадях с сёдлами, — словом, представление шло своим чередом до наступления антракта.

— Душечка тётя, теперь будет гуттаперчевый мальчик, да? — спросила Верочка.

— Да; в афише сказано: он во втором отделении... Ну что, как? Весело ли вам, деточки?

— Ах, очень, очень весело!.. О-че-нь!.. — восторженно воскликнула Верочка.

— Ну, а тебе, Зизи? Тебе, Паф, весело ли?

— А стрелять будут? — спросила Зизи.

— Нет, успокойся; сказано — не будут!

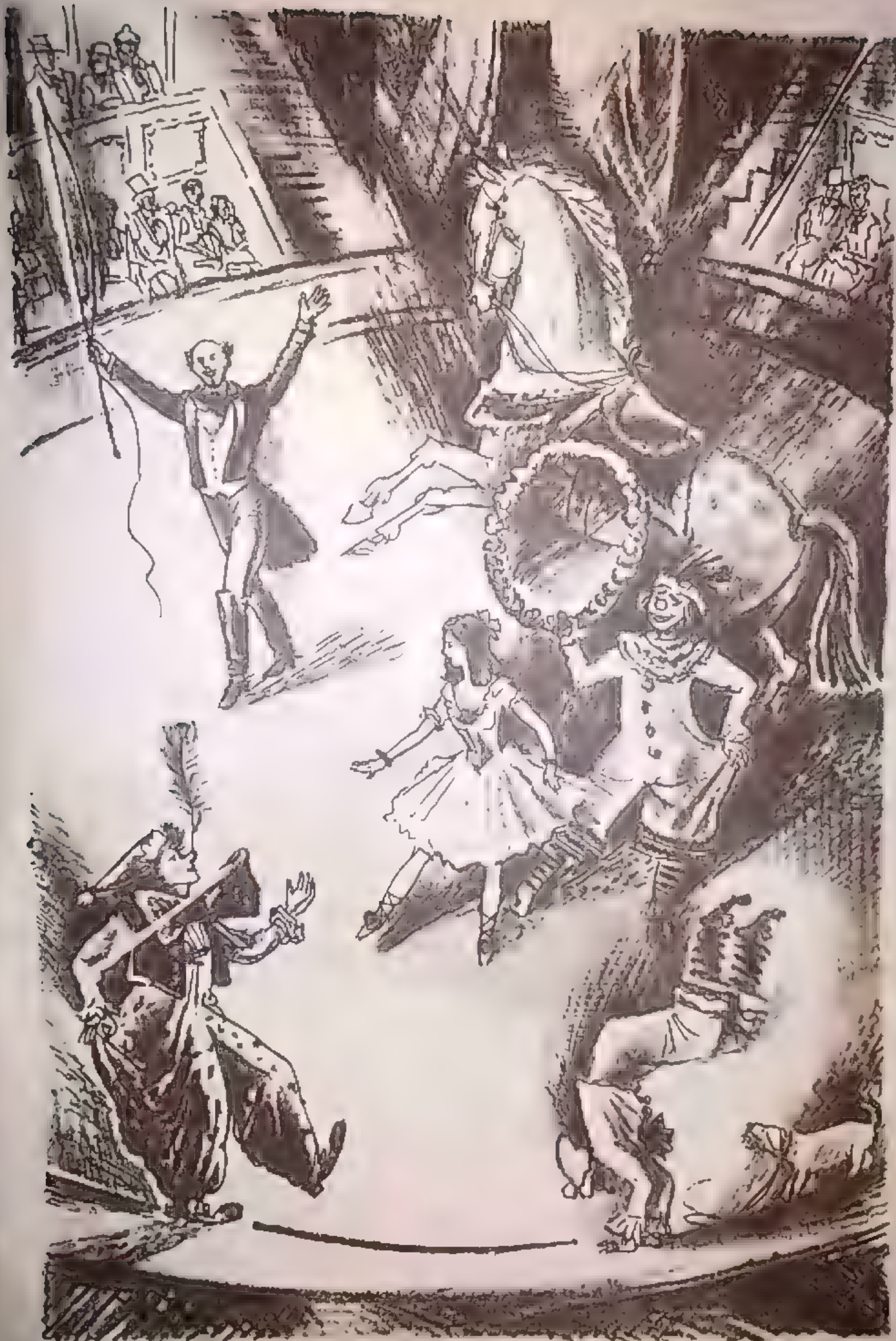
От Пафа ничего нельзя было добиться; с первых минут антракта всё внимание его было поглощено лотком с лакомствами и яблоками, появившимися на руках разносчика.

Оркестр снова заиграл, снова выступили в два ряда красные ливреи.

Началось второе отделение.

— Когда же будет гуттаперчевый мальчик? — не переставали спрашивать дети каждый раз, как один выход сменял другой. — Когда же он будет?..

— А вот сейчас...

И действительно. Под звуки весёлого вальса портьера раздвинулась, и показалась рослая фигура акробата Беккера, державшего за руку худенького белокурого мальчика. Оба были обтянуты в трико телесного цвета, обсыпанное блёстками. За ними два прислужника вынесли длинный золочёный шест, с железным перехватом на одном конце.

Выйдя на середину арены, Беккер и мальчик раскланялись на все стороны, после чего Беккер приставил правую руку к спине мальчика и перекувырнул его три раза в воздухе. Но это было только вступление. Раскланявшись вторично, Беккер поднял шест, укрепил толстый его конец к золотому поясу, обхватывавшему живот, и начал приводить в равновесие другой конец с железным перехватом, едва мелькавшим под купо-

лом цирка. Приведя таким образом шест в должное равновесие, акробат шепнул несколько слов мальчику, который влез ему сначала на плечи, потом обхватил шест тонкими руками и ногами и стал постепенно подыматься кверху. Каждое движение мальчика приводило в колебание шест и передавалось Беккеру, продолжавшему балансировать, переступая с одной ноги на другую.

Громкое «браво» раздалось в зале, когда мальчик достиг наконец верхушки шеста и послал оттуда поцелуй. Снова всё смолкло, кроме оркестра, продолжавшего играть вальс. Мальчик между тем, придерживаясь за железную перекладину, вытянулся на руках и тихо-тихо начал выгибаться назад, стараясь пропустить ноги между головой и перекладиной; на минуту можно было видеть только его свесившиеся назад белокурые волосы и усиленно дышавшую грудь, усыпанную блёстками. Шест колебался из стороны в сторону, и видно было, каких трудов стоило Беккеру продолжать держать его в равновесии.

— Браво!.. Браво!.. — раздалось снова в зале.

— Довольно!.. Довольно!.. — послышалось в двух-трёх местах.

Но крики и аплодисменты наполнили весь цирк, когда мальчик снова показался сидящим на перекладине и послал оттуда поцелуй. Беккер, не спускавший глаз с мальчика, шепнул снова что-то. Мальчик немедленно перешел к другому упражнению. Придерживаясь на руках, он начал осторожно спускать ноги и ложиться на спину. Теперь предстояла самая трудная штука: следовало сначала лечь на спину, уладиться на перекладине таким образом, чтобы привести ноги в равновесие с головой, и потом вдруг, неожиданно, сползти на спине назад и повиснуть в воздухе, придерживаясь только на подколенках.

Всё шло, однако ж, благополучно. Шест, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчик был уже

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190